

КНИЖНАЯ СПРАВА В КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ ПРОСТРАНСТВАХ SLAVIA ORTHODOXA И SLAVIA LATINA

1. История литературного языка изучает не только сам язык, его нормы, но и рефлексию носителей над литературным языком. Основной формой лингвистической рефлексии в конфессиональной культуре являлась книжная справа, представлявшая собой процесс исправления библейских и богослужебных книг. В зависимости от культурно-языковой ситуации книжная справа имела целью достижение правильности или понятности текста и языка, была ориентирована на «чужие» или «свои» образцы, носила «соборный» или индивидуальный характер. Верификацией данных положений может быть реконструкция книжной справа XVII — нач. XVIII в., последовательно проводившейся в разных славянских культурно-языковых пространствах.

2. Юго-Западная Русь, входившая в XVI–XVII вв. в состав Речи Посполитой, являла собой своеобразное «духовное пограничье», в котором реализовались традиции и новации культурно-языковых пространств *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina*. В сложных поликонфессиональных условиях духовной задачей ревнителей православия было сохранение традиций православного универсализма, официально закрепленного фактом юрисдикции константинопольского патриарха. Необходимость защиты «чистоты» веры, духовного просвещения и готовности к полемике определила необходимость издания «правильных» библейских и богослужебных книг. Установка на греко-славянское духовное единение мотивировала книжную справа, основным принципом которой было следование славянских книг греческим образцам как источникам правильности текста и языка. Систематическая книжная справа началась трудами князя Константина Острожского и его сподвижников — ученых греков Дионисия Палеолога-Ралли, Евстафия Нафанаила и Феофана Эммануила Мосхопула, ректора Острожской коллегии Герасима Смотрицкого, Василия Суражского и московского печатника Ивана Федорова, которые издали в 1580 г. полную славянскую Библию. В основу Острожской Библии был положен список Геннадиевской Библии 1499 г., который исправлялся по греческим изданиям, вероятно, по

Альдинской Библии 1518 г. [Алексеев 1999: 211–212]. Справе подвергались прежде всего книги, переведенные у Геннадия с латыни: эти книги были либо вновь переведены с греческого языка (1, 2 Паралипоменон, 1, 2 Маккавейские, Премудрости Соломона, главы 1–25 и 46–51 Иеремии), либо отредактированы по греческому источнику (1, 2 Ездры, Неемии), либо оставлены в переводе с латыни (Товит, Иудифь, 3 Ездры). Поскольку при подготовке Острожской Библии не была проведена последовательная правка, к тому же не было критического отношения к источникам, епископ львовский Геден Балабан замыслил издать исправленную Библию, для чего обратился с просьбой к александрийскому патриарху Мелетию Пигасу прислать греческую Библию, которая «чиста ѿ вѣдѣвъ». Однако результатом издательской деятельности стрягинской типографии явились лишь авторитетные богослужебные книги (Служебник 1604 г. и Требник 1606 г.), в предисловиях к которым указывалось, что они «прилежно изслѣдованы и исправлены по древнимъ зводамъ и греческимъ послѣдованіямъ» [Титов 1918: 58]. Впоследствии стрягинская типография стала основой типографии Киево-Печерской лавры, в которой был издан корпус богослужебных книг (Постная Триодь 1627 г., Служебник 1629 г., Цветная Триодь 1631 г., Требник 1646 г.), также сверенных «съ греческимъ зводомъ» [Там же]. Защищая церковнославянский язык как знак православной веры, книжники при проведении языковой справки руководствовались идеей формально-семантического подобия церковнославянского языка греческому: «наизвѣзніѣишее сложное Грецкое слово подобнымъ такъже звязнымъ и сложнымъ по Славенскѣ выложити естъ можно» [Там же: 126]. При этом опыт синтетической кодификации церковнославянского языка, явленный в процессе книжной справки, мог соотноситься с опытом аналитической кодификации церковнославянского языка, представленным прежде всего в грамматике Мелетия Смотрицкого (1619), кодифицировавшей «славенский» язык как язык, формально и семантически соотнесенный с греческим языком и тем самым противопоставленный «простой мове».

Юго-Западная Русь как культурно-языковое «пограничье» была важна и для реализации разрабатываемой Римом идеи христианского универсализма, выразившейся в Брестской унии 1596 г. Идея единства языка как основы возвращения славян к духовному единству была официально сформулирована в обращении польского короля к папе Римскому: «...если Литовская Русь соединится с апостольским престолом, это легко может привести к унии с ним и Великое княжество Московское, в котором миллионы душ заражены греческой схизмой, потому что в богослужении москвитяне употребляют один язык с русскими, да

и разговорный язык обеих этих народностей представляет различия только диалектические или в произношении слов» [Карташев 1959: 656].

Таким образом, культурно-языковое «пограничье» задавало разные направления лингвистической рефлексии, актуальные и для пространства *Slavia Orthodoxa* и для пространства *Slavia Latina*.

3. Московская Русь XVI–XVII вв. являлась центром культурно-языкового пространства *Slavia Orthodoxa*, сохранившим «чистоту» веры и устойчивое бытование церковнославянского языка. Ученая деятельность по исправлению церковных книг, основанная на соединении богословского ведения и грамматического знания, стала привычной для Московской Руси с XVI в. в результате книжной sprawy, проведенной Максимом Греком. Официальный статус книжной sprawy в Московской Руси определило постановление Стоглавого собора 1551 г., которое вменяло в обязанность собраниям духовенства наблюдение за правильностью церковных книг [Стоглав 1863: 95–96]. Усилившийся в связи с развитием книгопечатания институт книжной sprawy предполагал установление целей и принципов исправления, тщательный выбор источников и сферы исправлений, посредством чего и реализовалось понимание правильности текста и языка. В XVII в. в Московской Руси книжная справа представляла собой последовательное движение от воспроизведения «своей» славянской традиции до буквального следования греческим образцам, что было обусловлено движением от концепции духовного изоляционизма к концепции духовного универсализма.

Так, на первом этапе книжной sprawy, начавшемся после Смутного времени при активной поддержке патриарха Филарета (1619–1634) и продолжавшемся при патриархе Иосафе I (1634–1640), внимание справщиков было сосредоточено на богослужебных книгах, поскольку требовалось «во единогласіе потребы и чины церковнаго священноначалія» привести [Воскресенский 1882: 14]. При этом понимание правильности текста и языка богослужебных книг было мотивировано концепцией духовного изоляционизма и связывалось со своей славянской традицией как сохранившей исконную «чистоту» греческой традиции. В качестве правильных источников рассматривались только славянские рукописи — «книги харатейныя добрыхъ переводовъ древнихъ» [Там же], которые противопоставлялись новым греческим изданиям и исправленным по ним юго-западнорусским изданиям, поскольку греки после принятия Флорентийской унии «живутъ в тѣснотахъ великихъ между невѣрными... и для того вводятъ инныя вѣры в переводы греческаго языка... нам такихъ новыхъ переводовъ греческаго языка не надовно...» [Прение... 1859: 449–450]. В соответ-

ствии с принятыми установками в Москве был издан весь цикл богослужебных книг, при этом наиболее тщательному исправлению подверглись Требник 1624 г. и Служебник 1627 г. Проводя фрагментарную языковую правку, исправляя «описи въ точкахъ и въ запятыхъ, и въ наконченіяхъ», московские книжники — Арсений Глухой, Антоний Крылов, Иван Наседка, Григорий Онисимов — подтверждали свою компетентность знакомством с книжными исправлениями Максима Грека и знанием грамматического трактата «*О ѡсмѣхъ частѣхъ слова*», что позволяло им «*осмь частей слова разумѣти и къ симъ пристоящая, срѣчь роды и числа, и времена и лица, званія же и залози...*» [Николаевский 1890—1891 II: 443].

Начавшаяся в 40-х гг. XVII в. реставрация концепции духовного универсализма определила новый этап книжной sprawy в Московской Руси, реализовавшийся при патриархе Иосифе (1642—1652). Осмысление Московского государства как центра истинной православной духовности актуализировало необходимость усиления контроля за «чистотой» веры и систематизации духовного образования. Poleмические и просветительские задачи мотивировали необходимость издания в Московской Руси полной Библии как «первейшего источника всего богословия». Целью библейской sprawy должен был стать поиск «согласия» между славянской и греческой традициями, при этом посредником могла стать юго-западнорусская книжность, а участниками книжной sprawy — юго-западнорусские книжники. Так, в 1649 г. царь Алексей Михайлович обратился к киевскому митрополиту Сильвестру Коссову с просьбой прислать ученых книжников, которые «*божественнаго писанія ведущи и еллинскому языку навичны*» (такowymi оказались Арсений Сатановский и Епифаний Славинецкий) для учительной и книжной деятельности, прежде всего «*для справки Библии*» [Там же I: 169—170] с греческого на церковнославянский язык. Одним из источников книжной sprawy могла стать Острожская Библия, тексты которой московские книжники использовали в просветительских и poleмических целях: например, в 1643 г. московскими справщиками было составлено Патриаршее поучение, включавшее цитаты из Острожской Библии. Понимание необходимости последовательной языковой нормализации обусловило в 1648 г. издание в Московской Руси авторитетной юго-западнорусской грамматики Мелетия Смотрицкого, представлявшей, в отличие от трактата «*О ѡсмѣхъ частѣхъ слова*», развернутую аналитическую кодификацию церковнославянского языка. Языковые исправления, внесенные в грамматику Смотрицкого московскими справщиками Иваном Наседкой и Михаилом Роговым, отражали опыт московской книжной sprawy, которая в этот период

была направлена на ограничение грамматической синонимии и снятие грамматической омонимии, приводящей к неоднозначному пониманию текста. Метаязыковые исправления вводили грамматику в устойчивую православную метаязыковую традицию: московские книжники заменили авторское предисловие Смотрицкого, написанное на «простой мове», предисловием, представлявшим собой «цитатное поле», освященное именами Афанасия Великого, Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Максима Грека. Особое внимание московские книжники обратили на замечания Максима Грека о необходимости книжного исправления: книги «растлѣшася, ѿво ѿво ѿ преписоующихъ ихъ ненаученыхъ соущихъ ѿ не ѿскоусныхъ в разумѣ ѿ хитрости грамматикійстѣй, ѿвоже ѿ ѿ самѣхъ ѿспѣрка сотворшихъ книжныи преводѣ, приснопаматныхъ мѣжей» [Смотрицкий 1648: 23 об.]. Таким образом, посредничество юго-западнорусской книжности создало предварительные условия для усвоения в Московской Руси представлений о правильности текста и языка как об ориентации на греческие образцы.

Развитием этих представлений явился третий этап книжной sprawy, начавшийся при патриархе Никоне (1652–1658). Доминирование идеи «восприятия» на русского царя и русскую церковь византийского теократического наследия требовало единого греко-славянского обрядового пространства. Унификация обрядов по греческому образцу радикально изменяла представления о правильности русских богослужебных книг: на Соборе 1654 г. было принято решение «достойно и праведно исправити противу старыхъ и греческихъ» книг [Сиромаха 1981: 6]. Возможность грекоориентированной книжной sprawy обеспечивалась формированием греческой библиотеки, собранной из греческих рукописей и печатных книг, привезенных Арсением Сухановым с Афона и подаренных восточными патриархами. Новые задачи книжной sprawy определили изменения и в составе участников книжной sprawy: к справе были допущены греческие книжники — сначала Арсений Грек (с 1654 г.), а затем Дионисий Грек (с 1663 г.); координировал справу юго-западнорусский богослов и переводчик Елифаний Славинецкий, активное участие в справе принимали сведущие в «еллиногреческом» языке московские книжники — Евфимий Чудовский, Никифор Симеонов, Иосиф Белый. Декларированная книжная справа по греческим источникам осуществлялась либо посредством выбора греческого образца, либо посредством выбора юго-западнорусского текста, исправленного по греческому образцу. Так, Требник 1656 г. явился результатом переводческой деятельности Арсения Грека, а Требник 1658 г. представлял собой результат редакторской деятельности московских справщиков Евфимия Чудовского, Захария Афанасьева и Иосифа Бе-

лого, которые ориентировались на киевский Требник 1646 г., лишь иногда сверяя его с греческим изданием (корректурные экземпляры — РГАДА. Ф. 1251. № 978—2; Ф. 381. № 1803; ГИМ. Син. № 308). Основными ориентирами исправлений богослужебных текстов, своеобразными посредниками, явились именно правленные по греческим образцам юго-западнорусские издания, о чем свидетельствуют корректурные экземпляры изданных в Москве книг: корректурный экземпляр Служебника 1655 г. представлял собой стрягинский Служебник 1604 г., в основу Постной Триоди 1656 г. были положены киевские Триоди 1627 г. и 1648 г., корректурной книгой Цветной Триоди 1660 г. была киевская Триодь 1631 г. [Сиромаха 1981: 9]. По пути ориентации на юго-западнорусские источники пошла и библейская справа, поскольку при издании Библии 1663 г. была использована Острожская Библия. При необходимости в сложных случаях осуществлялась непосредственная сверка с греческим текстом, подтверждаемая пометами писцов: например, в корректурном экземпляре Требника 1658 г. — «посмотреть в греческом» (л. 214), «со греческого» (л. 4) [Сиромаха, Успенский 1987: 80, 82]. Значение юго-западнорусских источников для языковой справки определялось тем, что они демонстрировали формально-семантическую трансляцию греческого языка в церковнославянский. Задача московских справщиков, помимо изменения орфографии, заключалась в основном в снятии в юго-западнорусском тексте грамматической омонимии, что являлось продолжением предшествующего этапа справки. Правильность языковых изменений, явленных в новопечатных московских книгах, обосновывалась ссылками на грамматику Смотрицкого, в равной степени авторитетную как для юго-западнорусских, так и для московских книжников.

Усиление грекофильских настроений, приведшее к утверждению концепции духовного универсализма, проявилось на четвертом этапе книжной справки при патриархе Иоакиме (1674—1690). Правильность библейских и богослужебных книг связывалась в этот период уже с непосредственной ориентацией на греческие источники, поскольку «въ славѣнской вѣблѣи премногаа сѣть погрѣшенїа в рече- нїихъ ѿ разумѣнїи, не ѿ хїтрости, но ѿ простоты ѿ невѣдѣнїа, и несо- гласїе величайше съ Ёллинскою седмидесятныхъ превѣдниквѣ», было принято решение переводить «вѣблїю всю вновѣ, вѣтхїй ѿ новый завѣтъ» [Страхова 2002: 51]. Работа началась трудами Епифания Славинецкого и избранной им «библейской комиссии» — Евфимия и Моисея Чудовских, Никифора Симеонова и Сергия. Смерть Епифания Славинецкого не позволила закончить библейские исправления: к печати был подготовлен только Новый Завет. Бого- служебные книги также могли правиться в этот период непосредст-

венно по греческим источникам, о чем свидетельствуют Служебные Минеи, работа над которыми началась в 1683 г. Языковые исправления представляли собой усиление формально-семантической трансляции греческого языка в церковнославянский, поскольку московские справщики стремились писать «по словенски» так, как писали святые отцы «еллинским диалектом»: «аще гдѣ что ѿ ѡбращетса в' нашен славѣнстѣй библіи таковоѣ несходство или погрѣшеніе и тоѣ подобаетъ исправлати... с' тоужѣ греческіа библіи...» (ГИМ. Син. № 373: 30). Явленная в текстах этого периода языковая грецизация поддерживалась метаязыковой грецизацией, поскольку правильность внесенных изменений могла подтверждаться ссылками не только на грамматику церковнославянского языка, но и на греческую грамматику. Кроме того, на этом этапе справки был официально утвержден грамматический характер книжной справки: в 1682 г. патриарх Иоаким в прениях со старообрядцами заявил, что книжная справа велась «по грамматике» [Три челобитные 1862: 35].

В XVIII в. продолжением и одновременно коррекцией иоакимовской справки явилась библейская справа, осуществлявшаяся справщиками московского Печатного двора Софронием Лихудом, Феофилактом Лопатинским, Федором Поликарповым и Николаем Головиным. Указ Петра I от 14 ноября 1712 г., ознаменовавший переход контроля над книжной справой от духовной власти к светской, предписывал книжникам «соглашать и править во главах и стихах и речах противу Греческия Библии грамматическим чином» [Евсеев 1916: 8]. Петровские справщики, как и их предшественники, понимали правильность текста и языка как точную передачу греческого оригинала, однако они уже выступали за освобождение «славянского» языка от «странных» и «неприродных» элементов, нарушавших славянскую грамматическую семантику [Бобрик 1988]. Кроме того, петровские книжники продолжали решать проблемы грамматической синонимии и омонимии. Результаты книжной справки, проходившей с 1713 по 1720 г., были учтены в новом исправленном издании грамматики Мелетия Смотрицкого (1721), подготовленном Федором Поликарповым. Библейский текст, явившийся результатом петровской справки, после незначительной переработки лег в основу Елизаветинской Библии 1751 г., завершившей библейскую справку в традиции церковнославянского языка.

4. В культурно-языковом пространстве *Slavia Latina*, в системе моделируемого Римом конфессионального подчинения греческого мира латинскому, важнейшим этапом являлось возвращение славян к единству по вере. Завершение «глобальной Унии», фрагментом которой явилась

Брестская уния, требовало приведенных к единообразию славянских церковных книг, написанных на понятном для всех славян языке. В этой связи по поручению Конгрегации пропаганды святой веры в Риме в 40-х гг. XVII в. была предпринята книжная справа древних хорватских глаголических богослужебных книг, осуществлявшаяся под руководством Рафаеля Леваковича и епископа холмского Мефодия Терлецкого [Бессонов 1870: 716–717; Будилович 1892: 158–159; Толстой 1998: 371]. Проведя некоторое время в Юго-Западной Руси, в среде униатов, Левакович изучил юго-западнорусскую редакцию церковнославянского языка и выбрал в качестве источников книжной sprawy юго-западнорусские богослужебные книги, ориентированные на бытование в условиях унии. В свою очередь, Мефодий Терлецкий, помогая Леваковичу, настаивал на устранении из хорватских богослужебных книг «чужих далматинских слов» для достижения их понятности. Текст изданных Леваковичем богослужебных книг — *Миссала римскаго везник словенскій* 1631 г. и *Часослова римскаго славинскимъ языкомъ* 1648 г. — был утвержден папой Иннокентием X и лег в основу изданий Ивана Пастрича — *Часослова* 1688 г. и *Миссала* 1706 г. В 30-х гг. XVIII в. папа Бенедикт XIV поручил глаголяшу Матвею Караману еще раз исправить язык миссала по образцу русской редакции церковнославянского языка. В 1741 г. Матвей Караман издал исправленный *Миссаль римскій славенскимъ языкомъ*, а в 1753 г. в трактате «*Identità della lingua litterale slava e necessità di conservarla ne' libri sacri*» представил теоретические выводы в пользу усвоения хорватами-глаголяшами русской редакции церковнославянского языка для того, чтобы «проложить этим путь унии в среду славянских схизматиков» [Будилович 1892: 159].

Другой путь единения по вере посредством единения по языку избрал хорват, иезуитский миссионер Юрий Крижанич, пытавшийся «исправить» русскую редакцию церковнославянского языка для достижения понятности ее всеми славянами [Запольская 1998: 267–295]. Исходя из идеи идентификации всех славянских языков как вариантов одного славянского языка, Крижанич обосновал функционально-генетическое превосходство русского языка над другими славянскими языками и счел необходимым называть исправленный «общий» славянский литературный язык «русским», а не «славенским». Осуществляя свою миссионерскую деятельность в Московской Руси, Крижанич написал в 1666 г. грамматический трактат «*Грамаѳично нзказанје об рѣскомъ језику*» [Крижанич 1859, далее в тексте — ГИ], явившийся метаязыковой репликой на грамматику Смотрицкого. Юрий Крижанич отрицал концептуальные основы грамматики Мелетия Смотрицкого, реализовавшей принципы *ad modum* и *ad fontes* и тем самым кодифицировавшей книжный

церковнославянский язык, соотнесенный с греческим языком, максимально дистанцированный от разговорного языка и обладавший усложненной структурой, требовавшей лингвистической эрудиции. Крижанич стремился кодифицировать новый вариант «общего» славянского литературного языка, освобожденный от формально-семантического влияния греческого языка, принципиально самодостаточный и имевший более простую структуру, доступную для понимания людей «непросвещенных». В процессе осуществленной Юрием Крижаничем «грамматической работы» элиминации подверглись грецизмы («*обезѣанство по обзорѣ на Грѣцкнѣ Језѣкѣ*») и непотребительные славянские элементы, порождающие омонимию («*протѣвни рѣзѣмѣ*») или синонимию («*по извѣткѣ*»). Прделанная Крижаничем «грамматическая работа» была направлена на реализацию в библейских текстах, книжный язык которых, по его мнению, был далек от совершенства: «*До сіѣх во врѣмѣн во свѣтомѣ бѣдѣем писмѣ и всѣхнѣх превѣдѣх нашіх, въ никѣхнѣх мѣстѣх вѣногѣ јест рѣчѣь, а малѣ рѣзѣма*» [ГИ: V]. Культурно-языковое разрешение на исправление библейских книг для достижения их адекватного понимания Юрий Крижанич, как и подобало хорвату и иезуитскому миссионеру, подтверждал ссылкой на языкотворческую деятельность Блаженного Иеронима, осуществившего перевод Библии на латынь: «*Грамаѣично радѣије... вѣит потрѣбно. Како вѣлѣжениѣ Јерѣним вѣлѣит: Несподѣбитсе възгордѣјат малѣхнѣх вѣщѣь, вѣз коьхнѣх вѣлики обстојѣт немѣгѣт*» [Там же]. С именем Блаженного Иеронима была связана и принятая в культурно-языковом пространстве *Slavia Latina* установка на понятность как основу адекватного библейского перевода: «Я могу перевести только то, что я прежде понял». Стремление непосредственно скорректировать систему кодифицированных форм и императивные конфессиональные тексты обусловило своеобразную «справу» псалмов, представленную в правилах-комментариях в грамматике Крижанича. Подвергшиеся исправлению псалмы по языку были тождественны псалтырным текстам Острожской Библии, текст и язык которой Крижанич подвергал критике: «*Бѣлѣорѣцци при тѣсковѣаньнѣх Библиѣх... много прѣмѣнѣнѣје ѣчинѣиша*» [Крижанич 1891: 29–30]. Исправляя язык псалмов, Крижанич вносил свой вклад в общий процесс книжной справки, желая устранить «*шатѣст... кнѣжнѣхнѣх превѣдов... ко ѣпокојѣнѣѣх народнѣх съѣдр... цѣркѣвногѣ рѣздѣра*» [ГИ: V].

5. Острожская Библия, созданная в культурно-языковом пространстве «духовного пограничья», явилась своеобразным «опытным полем» книжной справки, которую проводили книжники, следуя разным культурно-языковым традициям. Соответственно, библейские тексты,

явившиеся результатом книжной sprawy XVII — начала XVIII в., предстают как культурно-языковые реплики на Острожскую Библию.

Московская Библия 1663 г., явившаяся опытом никоновской sprawy, была напечатана по Острожской Библии 1580 г. «неизмѣнно», кроме орфографии и «явственныхъ погрѣшеній» (корректурный экземпляр — РГАДА. Ф. 1251. № 149). «Явственные погрешения» на морфологическом уровне, требовавшие, по мнению московских книжников, последовательного исправления, представляли формы, порождавшие омонимию. Так, в зону именной омонимии входили имена существительные мужского рода с исходом на мягкий согласный, шипящий и *ц*, которые являли омонимию В. мн. -**А** = Р. ед. -**А**, -**А**. Никоновские справщики устраняли омонимию посредством замены флексий -**А**, -**А** в грамматической позиции В. мн. флексией -**И** у существительных на мягкий согласный и флексией -**Ы** у существительных на шипящий и *ц*. Равным образом, имена существительные женского рода с исходом на мягкий согласный, шипящий и -*ц* порождали омонимию Р. ед., И.-В. мн. -**А** = И. ед. -**А**, а имена существительные мужского рода, относящиеся к этому же типу склонения, являли омонимию В. мн. -**А** = И. ед. -**А**. Московские книжники снимали омонимию, исправляя в грамматических позициях Р. ед., И.-В. мн. флексию -**А** на флексию -**И** у имен существительных с основой на мягкий согласный, и различали Р. ед., И. мн. // В. мн. посредством дифференциации флексий -**И**/**-Ы** у имен существительных с основой на шипящий и *ц* :

Пс.	Острожская Библия 1580 г.	Никоновская справа: Библия 1663 г.
67 : 15	ѣгда разньствѣнѣтъ нѣнѣны црѣ	внегда рѣзнствѣнѣтъ нѣнѣны црѣ
117 : 9	оуповати на кнѣзѣ	оуповати на кнѣзи
50 : 8	възложѣтъ на олтарѣ твоѣ телца	возложѣтъ на олтарѣ твоѣ телцы
18 : 8	оумѣдрѣа младѣнца	оумѣдрѣющеѣ млѣнцы
106 : 16	верѣѣ желѣзныѣ сломѣ	верѣѣ желѣзныѣ сломѣ
17 : 15	моуѣнѣѣ оумножи	моуѣнѣѣ оумножи
10 : 6	часть чѣша нѣхъ	часть чѣши нѣхъ
129 : 5	ѣ стража оутренѣѣ	ѣ стражи оутренѣѣ
18 : 8	обращѣѣѣ дѣѣ	ѣбращѣѣѣ дѣѣ

Осуществленное в процессе никоновской библейской sprawy снятие именной омонимии явилось продолжением практики предшествующей, иосифовской, sprawy и в точности соответствовало рекомендациям грамматики 1648 г.:

Иосифовская справа:

Апостол 1644 г.

Ѡ земля → Ѡ земли

дша̑

Грамматика 1648 г.

лодіи, мрежи

лодіи, мрежи

Никоновская справа:

Библия 1663 г.

Ѡ земля- → Ѡ земли

Ѡ стража → Ѡ стражи

земля- → земли

дша → дшы

В Острожской Библии у существительных мужского рода в грамматической позиции Р. мн. допускались на правах вариантов две флексии — флексия -Ѡ (ѠВЪ/-ѠВЪ) и нулевая флексия, которая порождала омонимию Р. мн. = И. (В. для неодуш. сущ.) ед. Московские книжники снимали омонимию, используя орфографический способ, предполагавший дифференциацию дублетных букв Ѡ (ед.) // Ѡ (мн.): Ѡ востокъ → Ѡ востокъ (Иов 1: 3), из гробъ → из гробъ (Мф. 27: 53).

«Явственные погрешения» на синтаксическом уровне представляли грецизмы, нарушавшие грамматическую семантику церковнославянского языка. Так, никоновские справщики, следуя рекомендациям грамматики 1648 г., заменяли конструкции с относительными местоимениями, согласованными с определяемым словом в роде, числе и падеже, на конструкции с относительными местоимениями, падеж которых зависел от модели управления глагола: Пс. 77: 11 *завыша бѣгодѣлїи єго и чюдесѣ єго, ѡхъже ѡвнѣ ѡмъ* → *завыша бѣгодѣлїи єгѡ, и чюдесѣ єгѡ, ѡже показѣ ѡмъ*.

Определивший собой новый этап книжной справа библейский перевод, выполненный Епифанием Славинецким [Страхова 2002], привел к усилению формально-семантической трансляции греческого языка в церковнославянский язык. При этом максимальная грецизация проявилась в синтаксисе, например в жестком соответствии греческих и славянских инфинитивных конструкций с целевым значением:

Ἰδοὺ ἐξήλθεν ὁ σπέρων τοῦ σπείρειν = сѣ и́зиде сѣмѣи сѣмѣти (Мф. 13: 3),

υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου παραδίδοται εἰς τὸ σταυρωθῆναι = снѣ члѣскїи предаѣтсѣ вѣ єже ѡкрествова́тисѣ (Мф. 26: 2),

βαλοῦσα γὰρ αὕτη τὸ μύρον τοῦτο ἐπὶ τοῦ σώματός μου πρὸς τὸ ἐνταφιάσαι με ἐποίησεν = возлі́вши во сѣм муро сїє на тѣло моє, кѣ єже погребсѣтисѣ мнѣ сотвори (Мф. 26: 12).

Результатом данной установки в области морфологической справа явилось изменение характера реализации грамматической категории числа: в соответствии с новопечатным греческим библейским текстом формы дв. ч. заменялись на формы мн. ч.: *двѣ рѣвы* Мф. 14: 17, 19, *двѣ рѣки* или *двѣ нѣги* Мф. 18: 8, *двѣ слѣпцы* Мф. 20: 30.

Разрешая проблему формальной недостаточности, Епифаний Славинецкий устранил в грамматической позиции Р. мн. у существительных мужского рода нулевую флексию и закрепил в качестве нормативного показателя только флексию **-ОБЪ/-СВЪ: ѿ челоуѣкѡвъ** Мф. 6: 2, **ѿ пресвѣтерѡвъ, ѿ Архїерїевѡвъ, ѿ писменникѡвъ** Мф. 16: 21, **ѿ востокѡвъ** Мф. 24:27.

Петровская справа начала XVIII в. явилась логическим продолжением sprawy XVII в., поскольку основной установкой, которой руководствовались московские книжники, оставалась установка на формально-семантическое тождество греческого оригинала и славянского перевода.

Синтаксическая книжная справа, проведенная петровскими книжниками, обнаруживала тенденцию к расширению сферы употребления синтаксических гречизмов в соответствии с греческим источником: конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. ед. были заменены на конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн., глагольно-личные конструкции с обстоятельственным значением были заменены на инфинитивные конструкции, глагольно-личные конструкции с определительным значением — на причастные конструкции, конструкции с двойным отрицанием — на конструкции с одинарным отрицанием (корректирный экземпляр — РГАДА. Ф. 381. № 1047, см. также [Бобрик 1988: 10, 14, 17]):

	Никоновская справа:	Петровская книжная справа
	Быт. Библия 1663 г.	1713–1720 гг.
32 : 23	преведе все свое	преведе вся своя
		<i>πάντα τὰ αὐτοῦ</i>
35 : 3	БгѸ, ниже послѣша мене	БгѸ, послѣшавшемѸ мене
		<i>τῷ ἐπακούσαντι μου</i>
39 : 9	нѣсть никтоже вѣшше мене въ домѸ семѸ, ѿ ничтѸ же вѣа то есть	никто есть вѣшше мене въ домѸ семѸ, ниже чтѸ изѣа то бысть
		<i>καὶ οὐχ ὑπέρχει ἐν τῆς οἰκίας ταύτης... οὐδέ ἐπεξήρηται... οὐδέν</i>

В сфере морфологической sprawy замена форм дв. ч. формами мн. ч., имевшая место в переводе Епифания Славинецкого, последовательно проводилась петровскими книжниками в других библейских текстах (здесь и далее правка приводится по рукописи ГИМ, Барсов, 8, в которой текст разделен на две колонки *старое//приправленное*):

Библия 1663 г.

старое

Быт. 4: 11 ѿ рѣкъ твоєю

Быт. 4: 19 двѣ женѣ

Быт. 9: 27 братома своима

Быт. 1: 16 двѣ свѣтила

Петровская книжная справа 1713–1720 гг.

приправленное

ѿ рѣки твоєѧ

женѣ

братѣмъ своимъ

два свѣтила

Результаты петровской книжной справки повлияли на исправления в системе грамматических норм в грамматике 1721 г., в которой специально указывалось, что дв. ч. «нѣтъ мало употребляемо» [Смотрицкий 1721: 116].

Продолжая традиции книжной справки XVII в., петровские книжники поддерживали независимую от греческого влияния формальную правильность текста, устраняя флексии, разрешавшие формальную недостаточность. Справки последовательно заменяли в грамматической позиции Р. мн. у существительных мужского рода нулевую флексию на флексию **-ОВЪ/ЄВЪ**, а также расширяли зону снятия омонимии за счет замены в грамматической позиции Т. мн. у существительных мужского рода флексии **-Ы**, порождавшей омонимию Т. мн. = В. мн., флексией **-АМИ**:

Библия 1663 г.

старое

Быт. 1: 25 гадѣ, Быт. 3: 14 скотѣ,

Быт. 32: 14 овенѣ, Быт. 44: 19 рабѣ,

Ис. 34: 17 богѣ, Лев. 3: 12 ѿ козелѣ

Быт. 1: 26 скоты, гады

Лев. 24: 7 съ хлѣбы

Петровская книжная справа 1713–1720 гг.

приправленное

гадѣвъ, скотѣвъ, овнѣвъ, рабѣвъ, богѣвъ,

ѿ козелѣвъ

скотѣами, гадѣами

хлѣбаами

Сохраняя формальную избыточность как достоинство церковнославянского языка, петровские «библиотудники» корректировали употребление стандартных и нестандартных флексий. Так, в грамматической позиции Р. ед. ж. стандартная флексия **-И** исправлялась на нестандартную флексию **-Є**, а в грамматической позиции И. мн. м. стандартная флексия **-И** заменялась на нестандартную флексию **-ІЄ**:

Библия 1663 г.

Ис. 3: 4 крове

Лев. 18: 17 дщери

Быт. 17: 16 цари

Быт. 18: 16 мѣжи

Петровская книжная справа 1713–1720 гг.

крѣе

дщере

царіе

мѣжіе

Юрий Крижанич, включив в свою грамматику примеры исправления псалмов, скрыто полемизировал с никоновскими справщиками. Руководствуясь теоретическими взглядами, изложенными в грамматике, Крижанич устранял в библейских текстах формально-семантическую избыточность и формально-семантическую недостаточность, мотивированную греческим языком или носившую исконный характер.

Так, семантическая избыточность в библейских текстах определялась, по мнению Крижанича, грамматической категорией числа, представленной трехчленным рядом форм ед.-дв.-мн. Считая формы дв. ч. семантически избыточными и поддержанными греческой грамматикой, Крижанич заменял их на формы мн. ч.:

Острожская Библия 1580 г.

Пс 7 4 въ рѣкѣхъ моихъ

Пс 21 10 ѿ сосцевъ матери моея

Книжная справа Ю. Крижанича 1666 г.

въ рѣкахъ моихъ

от сосцевъ матери моея [ГИ 123]

Наибольшую формальную избыточность, обусловленную бытованием стандартных и нестандартных флексий, представляли в библейском тексте имена существительные мужского рода в грамматической позиции И. мн.: помимо имен существительных со стандартной флексией **-И** были представлены имена существительные с нестандартными флексиями **-Є**, **-ІЄ**, **-ОВЄ/-ЄВЄ**. Правка Крижанича заключалась в устранении всех нестандартных флексий:

Острожская Библия 1580 г.

Пс 26 12 свидѣтели

Пс 103 11 звѣри

Пс 4 3 снѣ, Пс 148 7 змѣи

Книжная справа Ю. Крижанича 1666 г.

свидѣтели

звѣри

снни, змѣи [ГИ 10–11]

Единогласие московских книжников и Юрия Крижанича проявилось лишь в устранении именных форм, порождавших омонимию [Запольская 2000: 312]. Так, в грамматической позиции В. мн. имена существительные мужского рода с основой на мягкий согласный, шипящий и *ц*, имевшие флексию **-А**, получали в процессе правки флексию **-И** и как возможный вариант флексию **-Є**, мотивированную хорватским языком. Равным образом имена существительные женского рода с основой на мягкий согласный, шипящий и *ц* получали в грамматических позициях Р. ед., И.-В. мн. флексию **-И** вместо флексии **-А**.

Пс.	Острожская Библия 1580 г.	Книжная справа Ю. Крижанича 1666 г. = Никоновская книжная справа 1663 г.
117 9	оѹповати на кнѣзѧ	надиѡатсе на кнези (кнезе) [ГИ 12] = оѹповати на кнѣзи
50 21	възложѧтъ на олтарѣ твой телца	возложѣтъ на олтарѣ твоѣ телци (телце) [ГИ 12] = возложѧтъ на олтарѣ твоѣи телцы
106 16	верѣѧ желѣзнымъ словѣмъ	верѣи желѣзница словѣмъ [ГИ 20] = верѣи желѣзнымъ словѣмъ
18 8	ѡбращѧа дѡша	ѡбращѧѡщ дѡши [ГИ 20] = ѡбращѧѧи дѡшы

Сферу основных претензий Крижанича к языку библейских текстов определяли синтаксические конструкции, обусловленные влиянием греческого языка: объектом элиминации выступали конструкции с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн., причастные конструкции, инфинитивные конструкции с обстоятельственным значением, конструкции с одинарным отрицанием и конструкции с относительными местоимениями, согласованными с определяемым словом.

Пс.	Острожская Библия 1580 г.	Книжная справа Ю. Крижанича 1666 г.
8 7	къса покорѧлъ еси подъ ногаѣ его πάντα ὑπέταξας ὑποκάτω τῶν ποδῶν αὐτοῦ	късе јеси ѡпокорѧ подъ него ногѧ [ГИ 173]
2 4	живѣи на нѡбѣсехъ посмѣѣтса ѧмъ ὁ κατοικῶν ἐν οὐρανοῖς ἐχγέλασεται αὐτοῦς	Јже жѡвѣтъ на небѣсехъ, насмѣѣет ѡмъ се [ГИ 163]
33 17	лицѣ же гнѣ на творѧщаѧ злѡѧ, еже потрѣбѧтъ ѡ земля пѧмать ѧхъ πρόσωπον δὲ κυρίου ἐπὶ ποιούντας κακὰ τοῦ ἐξολεθρεῦσαι ἐκ γῆς τὸ μνημόσυνον αὐτῶν	лицѣ пакъ господньѣ на творѣицихъ злѡѧ, да потрѣбѧтъ отъ земльѧ пѧметъ ѡихъ [ГИ 182]
22 1	ничтоже мѧ лишѧтъ οὐδὲν με ὑστερήσει	ничтоже мѧ не лѧшѧтъ [ГИ 160]
77 11	забыша блѡгодѧниѧ его и чюдѣстъ его, ѧхъже ѧвѧ ѧмъ καὶ ἐπελάβοντο τῶν εὐεργεσιῶν αὐτοῦ καὶ τῶν θαυμασιῶν αὐτοῦ, ὧν ἔδειξεν αὐτοῖς	чѡдѣсъ јѧже ѡмъ јестъ јавѧлѧ [ГИ 173]

6. Таким образом, реконструкция книжной справки XVII — начала XVIII в. позволила определить доминанты лингвистической рефлексии культурно-языковых пространств *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina*. Правильность «славянского» языка, как доминанта рефлексии греко-славянского мира, задавалась, согласно установкам московских книжников, формально-семантической трансляцией греческого языка и самодостаточной формальной сложностью церковнославянского языка. Понятность языка, как доминанта рефлексии латино-славянского мира, достигалась Крижаничем в процессе «исправления» «русского» языка посредством формально-семантической элиминации греческого языка и отказа от формальной избыточности. Зоной совпадения установок на правильность и понятность языка явилась зона формальной недостаточности, поскольку снятие омонимии отражало общее стремление книжников к достижению «семантической прозрачности» богодухновенного текста.

Литература

- Алексеев 1999 — *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
- Бессонов 1870 — *Бессонов П. А.* Юрий Крижанич, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII в. // Православное обозрение. 1870. II.
- Бобрик 1988 — *Бобрик М. А.* Книжная справка первой половины XVIII века и проблемы нормализации русского литературного языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988.
- Будилович 1892 — *Будилович А.* Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Варшава, 1892. Т. 2.
- Воскресенский 1882 — *Воскресенский С. А.* Сравнительное достоинство исправления церковнобогослужбных книг при первых пяти патриархах и при патриархе Никоне. Рязань, 1882.
- Евсеев 1916 — *Евсеев И. Е.* Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916.
- Запольская 1998 — *Запольская Н. Н.* Модели «общеславянского» литературного языка XVII–XIX вв. // Славянское языкознание. XII Международная конференция славистов. Краков, 1998. Доклады российской делегации. М., 1998.
- Запольская 2000 — *Запольская Н. Н.* Книжная справка XVII века: проблема культурно-языкового реплицирования // *Studia Russica*. Budapest, 2000.
- Карташев 1959 — *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959. Т. 2.

- Крижанич 1859 — *Крижанич Ю.* Граматично исказѣње об рѣскомъ језику. М., 1859.
- Крижанич 1891 — *Крижанич Ю.* Обяснѣње въводно о писмѣ Словѣнскомъ // *Крижанич Ю.* Собрание сочинений. М., 1891. Т. 1
- Николаевский 1890—1891 — *Николаевский П. Ф.* Московский печатный двор при патриархе Никоне // *Христианское чтение.* М., 1890. Ч. 1; 1891. Ч. II.
- Прение... 1859 — Прение литовского протопопа Лаврентия Зизания с игуменом Ильею и справщиком Григорием по поводу исправления составленного Лаврентием катехизиса // *Летописи русской литературы и древности.* М., 1859. Т. 1.
- Сиромаха 1981 — *Сиромаха В. Г.* «Книжная справа» и вопросы нормализации книжно-литературного языка Московской Руси во второй половине XVII в. (на материале имен существительных): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981.
- Сиромаха, Успенский 1987 — *Сиромаха В. Г., Успенский Б. А.* Кавычные книги 50-х годов XVII в. // *Археографический ежегодник за 1986 год.* М., 1987.
- Смотрицкий 1648 — *Смотрицкий М.* Грамматика. М., 1648.
- Смотрицкий 1721 — *Смотрицкий М.* Грамматика. М., 1721.
- Стоглав 1863 — Стоглав. СПб., 1863.
- Страхова 2002 — *Evangelienübersetzung des Jepifanij Slavynckyj, Moskau 1673 / Olga B. Strakhov. Facsimile-Ausgabe 2002.*
- Титов 1918 — *Титов Ф. И.* Типография Киево-Печерской Лавры. Киев, 1918.
- Толстой 1998 — *Толстой Н. И.* Избранные труды. М., 1998. Т. 2.
- Три челобитные 1862 — Три челобитные: справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря. СПб., 1862.